

301
Н. А. САВВИН

БОЛДИНО
и
А. С. ПУШКИН

НИЖНИЙ-НОВГОРОД

К 16574.1

6579

А. С. ПУШКИН

Акварель—бумага $6\frac{1}{2} \times 9$ см.

Соб. П. А. Званцева, приобретен П. И. Званцевым на выставке в С.П.Б. 1880 г. На обороте портрета надпись:

„Квит. № 90 Анапова, С.П.Б. Выставка 1880“.

Н. А. САВВИН

8
с-13

БОЛДИНО
И
А. С. ПУШКИН

421846.1
147501

НИЖНИЙ-НОВГОРОД
* * * * * ИЗДАНИЕ * * * * *
НИЖЕГОРОДСКОЙ
АРХЕОЛОГО-ЭТНОЛОГИЧЕСКОЙ
КОМИССИИ
-1929

Нижегородская государственная областная ун-т
Отдел
КОМПЛЕКТОВАНИЯ
Библиотека им. В.И.Ленина

О Т П Е Ч А Т А Н О
в типографии Нижполиграф,
Н.-Новгород, Варварка, 32,
в колич. 1000 экземпляров.
Нижегородск. гублит № 3221
Заказ № 1806.

К

ПРЕДИСЛОВИЕ

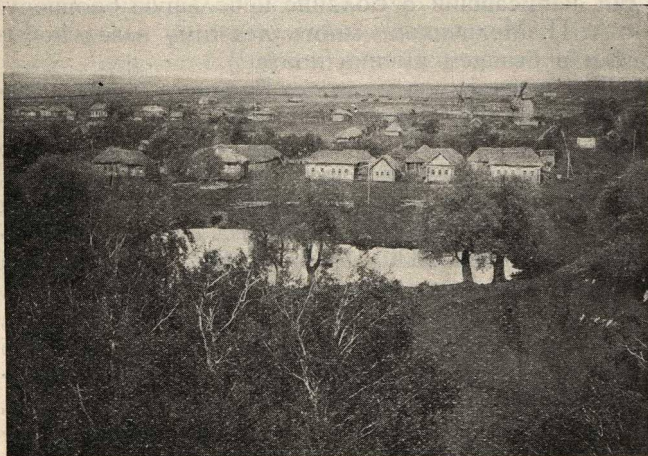
Нижегородская Археолого-Этнологическая Комиссия издает работу Н. А. Саввина в связи с предстоящим в 1929 г. столетием со времени приезда А. С. Пушкина в Болдино. Издание рассчитано на информацию широкого круга читателей о значении Болдина в творчестве великого поэта, предпринимаемую в связи с поднятым Комиссией вопросом об объявлении Болдинского парка заповедником, а Болдино в целом, — экскурсионным пунктом и одним из очень немногих в губернии мемориальных памятников.

Нижегородская Археолого-Этнологическая Комиссия приносит Президиуму Губисполкома искреннюю признательность за денежные средства, предоставленные для издания настоящей работы.

ПРЕДПОЯВЛЕНИЕ

Великобританская Академия Искусств, основанная в 1768 году, имеет честь сообщить Вам, что она приняла решение избрать Вас своим членом. В соответствии с уставом Академии, Вам предлагается явиться в Академию в день, назначенный для этого, и представить свои работы. Если же Вы не сможете явиться в этот день, то просим Вас уведомить об этом заранее. Мы уверены, что Ваши работы будут высоко оценены Академией.

Вашему преданному слуге,
Секретарь Академии Искусств

Общий вид села Болдино

I

Два географических пункта в Советском Союзе теснейшим образом связаны с именем Пушкина: Михайловское и Болдино (не считая, конечно, обеих столиц). Первое из них получило широкую известность, оно теперь уже государственный заповедник, но затерянному где-то в глуши Нижегородской губернии Болдину посчастливилось менее; оно, правда, упоминается всякий раз, когда речь заходит о поэте, и все же оно полузабыто: никто из пушкинистов не заглядывает туда, только два

Нижегородских краеведа—покойный А. И. Звездин, написавший о Болдине небольшую брошюру, и А. П. Мельников—много лет тому назад побывали в бывшем имении поэта ¹⁾).

Так и жило почти сто лет Болдино, теряя непосредственную мемориальную память о своем прежнем владельце. А между тем Болдино сыграло огромную роль в творчестве поэта, а может быть, оно важно было для него и по личным, интимным переживаниям. Четыре раза был Пушкин в Болдине: в 1829, 1830, 1833 и 1834 году, всегда захватывая свое любимое время года — осень. В Болдине за свое четырехкратное пребывание, особенно в 1830 году, Пушкин нашел, как будто богатейший родник творчества; там, «в глуши забытого селения» Пушкин создал свои лучшие, наиболее совершенные и наиболее глубокие по содержанию произведения: восьмую, девятую, десятую главы «Онегина», «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Каменный гость», «Пир во время чумы», «Повести Белкина», «История села Горюхина», «Медный всадник», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Сказка о мертвой царевне», «Сказка о золотом петушке»; целый ряд лирических произведений, составляющих вершины творческой музыки Пушкина — «Расставание», «Для берегов отчизны дальней», «Заклинание», «Осень» и, вероятно, «Зима», «Что делать нам в деревне», «Зимнее утро». Все это составляет значительную часть пушкинского литературного наследия, а вместе

¹⁾ Летом 1928 г. жил там тов. Чернышев. В 80-х годах прошлого века побывал в Болдине еще А. Васнецов.

с тем поразительная напряженность пушкинского творчества идет рука об руку с не менее поразительным разнообразием их: «плоды его мечты», этот «незримый рой гостей» поражает читателя Пушкина полярною противоположностью созданных образов, особенно в осень 1830 года.

От мрачного, насыщенного дыханием смерти «Пира во время чумы» до забавного, пуштыкового анекдота «Барышня-крестьянка»; через трагический образ Татьяны к Адриану в «Гробовщике»; удивительно тонкое по переживаниям «Для берегов отчизны дальней» уживается рядом с глубоко реалистическим, поддающимся самым широким обобщениям «Историю села Горюхина». Пушкин «забывал мир». «Мечтою своенравною» в Болдине Пушкин уносился в необыкновенно богатый мир поэтических грез и художественных образов. Есть некоторые данные предполагать, что, кроме перечисленных произведений, были еще и другие, или написанные поэтом и им уничтоженные, или вообще затерявшиеся¹⁾. Так, в рукописях находятся заглавия других пьес: «Ромул и Рем», «Иисус», «Беральд Савойский», «Павел I», «Влюбленный бес», «Димитрий и Марина», «Курбский». Какое богатство замыслов! В вариантах «Осени» эти образы получили «свободное проявление» в следующих стихах:

Стальные рыцари, угрюмые султаны,
Монахи, карлики, арапские цари,
Гречанки с четками, корсары, Богдыханы,
Испанцы в епанчах, жида, богатыри,

¹⁾ Предполагает П. А. Морозов, ссылаясь на Анненкова. «Сочинения Пушкина», изд. «Просвещение». Том 3-й. Стр. 471.

Царевны пленные, графини, великаны,
И вы, любимицы златой моей зари,
Вы, барышни мои с открытыми плечами,
С висками гладкими и томными глазами.

И дальше, когда Пушкин перечисляет пункты на вопрос «куда же нам плыть», в этом же стихотворении: «Египет колоссальный», «Везувия цветущие луга», «губернии нашей дальней», «Кавказ величавый», «скалы дикие Шотландии» к «вечности символом Пирамиды», «девственной Флориды».

Никогда потом, в течение всей своей последующей, правда, только шестилетней жизни, Пушкин уже не обнаруживал такого колоссального подема творческих сил, как в знаменитую болдинскую осень 1830 года.

• При выяснении творческого пути Пушкина — в его органической, целостной последовательности с социологической точки зрения — болдинский период имеет решающее значение, так как он показывает в лице Пушкина не только первоклассного, еще не превзойденного художника, овладевшего техникой письма, чисто пушкинского письма, но еще и писателя, с определенной классовою сущностью, с ярко выраженной идеологиею, выросшею на основе тогдашних социально-экономических отношений, определивших творчество Пушкина на всю его последующую, вплоть до трагической кончины, жизнь ¹⁾).

¹⁾ Одну из немногих попыток объяснить совокупность пушкинских образов и связать их органически дает статья А. Искоза «Повести Белкина» в II томе собраний сочинений Пушкина под редакцией С. Венгерова.

И здесь, в этом отношении, полузабытое Болдино выступает, как один, и очень заметный, из решающих факторов в деле оценки Пушкина, в деле выяснения организующей силы его произведений.

Только в самые последние годы стала намечаться такая точка зрения на Болдино в трудах пушкинистов. Один из первых—А. Искоз—совершенно правильно определил значение Болдина во всем творческом пути Пушкина: «на болдинский период мы должны смотреть, таким образом, как на центральный узел, откуда исходят нити по всем направлениям; как на огромный резервуар, куда стекаются реки его прошлого творчества и откуда, освеженные, они продолжают свои извилистые пути»¹⁾. Один из видных пушкинистов наших дней—Д. Благой—в своих трудах о Пушкине²⁾ уделяющий много внимания Болдину, второй выпуск своей работы «Классовое самосознание Пушкина» намерен посвятить именно этому периоду, где «в свете классовых переживаний» рассматривается и ими в значительной степени проясняется интереснейшая полоса творческой жизни Пушкина, своеобразное «декадентство» Пушкина—Болдинский период осени 1830 года—цикл произведений, в коих Пушкин предстает родоначальником и предшественником не только Достоевского, но и нашего декадентства конца XIX и начала XX века. А. Дивильковский, автор обстоятельного

¹⁾ А. Искоз. «Повести Белкина». Собрание сочинений Пушкина т. IV. Стр. 184. Изд. Брокгауз-Ефрон.

²⁾ «Миф Пушкина о декабристах» и «Классовое самосознание Пушкина».

труда о «Каменном госте», по новому истолковывающий образ прославленного «хищника любовной страсти», признает, что «как раз Болдин и его художественный зенит «Каменный гость» и означают кризис и поворот в творческих идеях Пушкина к чему-то иному»¹⁾).

Так изучение Пушкина, стремление социологически объяснить весь творческий путь его, привело пушкинистов к Болдину. Может быть, ни один исследователь не свяжет никогда в единый узел логически и психологически полярные образы болдинского периода, не объяснит возможности их нахождения в сознании одного поэта, сумевшего соединить несоединимое, но несомненно пристальное внимание к Болдину поможет проникнуть в тайну создания каждого в отдельности из этих противоречивых образов на основе всего сложного комплекса социально-экономических условий, окружавших Пушкина в Болдине. И это несмотря на то, что некоторые образы задуманы были Пушкиным задолго до болдинской осени, но «в прелестной стране чумы, грязи и пожаров» они были облечены в плоть и кровь, иногда будучи взяты непосредственно из болдинской жизни.

В сплетении частного с личным и заключается интерес болдинского вопроса при изучении Пушкина, как со стороны экономического положения поэта, так равно и со стороны его творчества, хотя бы последнее, базируясь на ранее выношенных,

¹⁾ А. Дивильковский. «Каменный гость — сильнейшее звено пушкинского реализма». «Печать и революция». 1928, кн. 3. Стр. 17.

но глубоко в сознании поэта запятанных образов, в то же время отталкивалось от непосредственно в Болдине полученных впечатлений и там же подмеченных наблюдений ¹⁾).

Повидимому, мы не проникнем в некоторые сокровенные подробности личной жизни поэта в недрах, Болдина, но можем сказать что интимные переживания — особенно в 1830 году — сильно захватывали Пушкина и находили свое отражение в произведениях болдинского периода, являясь в то же время результатом известных социальных условий определенной эпохи. «Порой я стих повертываю круто» — признается Пушкин в «Домике в Коломне». В Болдине поэт сделал этот «крутой поворот во всем своем творчестве» и как мастер свободной формы, и как писатель-художник, нашедший свою дорогу и наложивший отпечаток на последующее литературное развитие.

Поэтому-то так важно и так интересно Болдино в жизни и творчестве Пушкина.

1) Разбору пушкинского творчества в Болдине автор посвятит специальную статью «Система пушкинских образов, созданных в Болдине».

Один из порядков села Болдино

II

В условиях специально Нижегородской жизни Болдино, помимо, так сказать, чисто литературного значения, имеет еще и специфический интерес, как мемориальный памятник местного края. Его удельный вес вырастает в виду приближающегося столетнего—в 1929 году—юбилея с момента приезда поэта в свое родовое имение. Этот интерес усиливается еще и потому, что Болдино само по себе, подобно Михайловскому, как увидим

несколько ниже, нашло свое, хотя и небольшое, отражение в жизни Пушкина: несколько стихотворений он написал, специально описывая Болдино, его виды. Не будем говорить об «Истории села Горюхина»: если Болдино—Горюхино и Горюхино—Болдино в эпоху тридцатых годов прошлого века, то здесь фактическая деревня законспирирована в форме художественных образов с широким обобщением крепостной деревни вообще.

В чисто местном смысле, как известная отрасль краеведческого знания с специальным уклоном, связанным с именем Пушкина, Болдино иногда служило предметом внимания. Уже упомянутые Нижегородские краеведы в свое время описали Болдино. Но и здесь вопрос о Болдине в эпоху тридцатых годов перерастает собственно чисто пушкинский интерес, так как приезды Пушкина сюда, кроме, может быть, первого приезда в 1829 г., были связаны с материальной стороной жизни Пушкина, а эта последняя—все же частная страница из общей экономической истории рода Пушкиных вообще в пределах Нижегородского края. А с этой точки зрения эта история есть одна из страниц истории дворянства вообще в России. И три последних приезда Пушкина, в сущности говоря, логически вытекали из одной основной причины — обнаружившегося, в течение первых десятилетий прошлого века постепенного распада крепостного хозяйства на почве создания новых форм экономической жизни. Пушкин только попал в общий исторический процесс, принужденный покоряться ему, как силе, себе подчиняющей.

Имеющиеся в Нижегородском Архивном Бюро еще не опубликованные документы дают ясную картину обеднения рода Пушкиных, и из них ясна и история Болдина, превратившегося к 1830 г. в полуразрушенное село с двумя владельцами — Сергеем Львовичем, отцом поэта, и Василием Львовичем, его дядею.

Еще в начале XVII века Болдино вместе с Кистеневкою попало во владение рода Пушкиных: воеводы Г. Г. Пушкин и С. Г. Пушкин принимали ближайшее участие в событиях смутного времени, поскольку эти последние нашли свое отражение в пределах Нижегородского края. Род Пушкиных осел прочно в Нижегородской губернии на весь XVII и XVIII век: еще в XVIII веке Пушкиным принадлежали огромные владения в пределах Городецкого, Сергачского и Лукояновского уездов с очень большим количеством крепостных. Но владельцы этих обширных поместий не создали себе ни в одном из них «дворянского гнезда» — они не жили там. Только дед поэта, Лев Александрович, единственный из всех Пушкиных, жил некоторое время в Болдине. Поэт говорит про него в статье «Родословная Пушкиных и Ганнибалов». Человек, повидимому, жестокий и свирепый, он уморил свою первую жену: она «умерла на соломе, заключенная им в домашнюю тюрьму за мнимую или настоящую ее связь с французом, бывшем учителем его сыновей, и которого он весьма феодально повесил на черном дворе» ¹⁾.

¹⁾ Пушкин вспоминает об этом случае в одном из своих писем Н. Н. Гончаровой: «только одна ваша любовь препят-

Больше из Пушкиных никто не жил ни в одном из поместий Пушкиных ¹⁾).

К концу XVIII века ясно обозначился уже очень заметный процесс обеднения рода Пушкиных. Документы говорят о все больших и больших затруднениях материального свойства; по документам видно, как шаг за шагом эти имения закладываются и перезакладываются.

4-го июля 1791 года Наталия Абрамовна Пушкина просит о разрешении занять в Государственном земельном банке деньги под заклад недвижимого имения, состоящего в Балахнинском округе в селе Городце из восьми деревень и двухсот четырнадцати душ.

Еще ранее в 1717 году Александр Петрович Пушкин, прадед поэта, получил в наследство по духовному завещанию Ивана Ивановича Пушкина село Болдино; а 6 сентября 1795 года с матерью и братом Василием Львовичем получил с. Болдино с 1044 мужских и 1095 женских душ отец поэта, Сергей Львович.

Через двадцать два года та же Наталия Абрамовна 3 июля 1813 года снова занимает деньги под залог своих поместий в Балахнинском округе, в селе Городце, в деревнях Брюховой, Хмелеватой, Устимове, Вязовой, Переменной, в Починках, Беляевском, в Моремьяновском займище,

ствует мне повеситься на воротах моего печального замка (на этих воротах, скажу в скобках, мой дед некогда повесил француза, un outhitel аббата Николе, которым он был недоволен).

¹⁾ Только в 1825 году отец поэта на короткое время заехал в Болдино.

Мартюхине, Собингском, Темедине и в Корвинском. В 1816 году выплывает и знаменитое Болдино; 12 сентября этого года Сергей Львович, отец поэта, просит денег под залог 300 душ из села Болдина: — «из числа, состоящего по последней ревизии 562 на 300». В 1817 г. 15 июня появляется в документах другой совладелец Болдина — Василий Львович, дядя поэта. Его операции по имению гораздо сложнее, да и положение его части в Болдине неизмеримо хуже: у него процесс развала идет еще быстрее и сильнее. На 471 душу в Болдине он уже должен по 70 р. за душу, они уже заложены в Московском опекунском совете; теперь он просит прибавить еще по 30 руб. Но из ответа Нижегородской Палаты видно, что «ему, Пушкину, на оное имение запрещение за заем из Московского Опекунского Совета 1814 года мая 11-го дня денег 23030 руб. в селе Болдине из 491 душ 329 и 14-го мая из 9941 руб. в оном же селе Болдине на 142 души, о чем сие свидетельство и дано».

Как раз в это время — 9 июня — Пушкин только что окончил лицей и полный сил и творческих замыслов, молодой, жизнерадостный поэт далек был от мысли, что через тринадцать лет ему, в решительный момент — перед женитьбою — придется распутывать запутанное положение, созданное его отцом и дядею, тоже далеким от всяких дум за будущее. Отец и дядя с двух сторон постарались осложнить положение поэта.

В том же знаменательном для Пушкина году — году окончания лицея — 21 июня — Анна Львовна, идя по стопам брата, к прежде занятым 70 руб.

за душу просит прибавить еще 30 руб. в имениях Выползове, Хватковой.

Проходит еще пять лет. Опять на сцене злополучное Болдино. 20 октября 1822 года С. Л. Пушкин просит дать свидетельство для займа под крестьян села Болдина денег. Но на Болдине уже оказалось запрещение, ибо С. Л. был должен еще некоему Самарину 4406 руб. Под несчастное Болдино брались деньги и у частных лиц. Через восемь лет поэту пришлось разбираться во всех этих долгах.

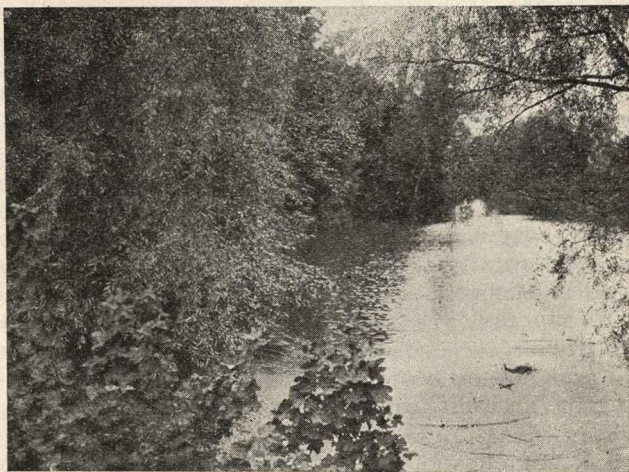
Во владении С. Л. было еще сельцо Кистенево, в 10 верстах от Болдина, где было 161 двор, 523 души мужского и 538 женского пола. Оно было заложено отцом поэта от 10 июля 1828 г. — 20000 р. и впоследствии от 10-го ноября 1831 года — 5000 руб.

Так постепенно, шаг за шагом, документы показывают, как разорялся род Пушкиных, когда то один из богатейших родов в Нижегородской губернии. В этой истории с несомненною отчетливостью проявлялся закономерный процесс обеднения дворянства вообще, и поэт нес на себе все последствия экономических отношений крепостной России.

27-го июня 1830 года Сергей Львович совершил «Запись», на основании коей он своему сыну-поэту передавал часть недвижимого своего имущества, состоящего в сельце Кистеневе.

421846.1

1775291

Пруд в Болдинском парке

III

Четыре раза Пушкин был в Болдине. В первый раз в 1829 году. Это был год скитаний Пушкина, тяжелый неприятный для него год, когда Пушкин в минуту горького раздумья договаривался до мысли уединиться в монастыре.

Туда бы, в заоблачную келью,
В соседство Бога скрыться мне...

— говорит он в стихотворении «Монастырь на Казбеке».

Пушкин вырвался «в тоске голодной» на Кавказ, и, прожив в Москве с середины сентября по октябрь, по дороге в Петербург, куда он приехал 10-го ноября, побывал в Болдине. Нет никаких указаний в письмах Пушкина на это пребывание его в октябре — ноябре в Болдине, кроме хронологии «Онегина», написанной самим Пушкиным, когда восьмую главу (теперешнюю седьмую) он относит по месту написания к Болдину.

Ефремов прямо говорит, что стихотворения «Зима, что делать нам в деревне», и «Зимнее утро» определено написаны в Болдине ¹⁾. Первое из них — великолепная картина деревенской жизни, написанная чудеснейшим стихом. «Блеском роскошной поэзии облита его зима» — говорит Белинский. Возможно, что этот первый приезд Пушкина — довольно кратковременный — был тоже одним из эпизодов в скитаниях поэта: обострялось его социальное положение для него самого, окончательно запутавшегося в отношениях к Николаю; волновало Пушкина пока не разделенное его чувство к Гончаровой, отклонившей его предложение, и Болдино в этом случае явилось просто тем уголком, где Пушкин мог прожить несколько дней наедине с самим собою.

В 1830 году Н. Н. Гончарова наконец приняла предложение Пушкина, и молодой жених был счастлив, хотя и относительно, ибо отношения его с будущей тещею были очень неважные, да и у

¹⁾ В. Брюсов склонен думать, что и стихотворения «Обвал», и «Олегов щит» также написаны в Болдине. «Сочинения» под редакцией В. Брюсова, стр. 302.

самого Пушкина, можно думать, была известная неуверенность в прочности чувства его невесты к нему ¹⁾. И, кроме того, положение жениха было отвратительно из-за его материального положения. У него не было денег. В мае 1830 года он написал десять записок Погодину, умоляя своего приятеля-историка «выручить, если возможно», дав ему займы 5000 руб. или 10000 руб. на год. Гончарову, опекуну своей невесты, он пишет: «смерть дяди моего В. Л. Пушкина, и хлопоты по сему печальному расстроили мои обстоятельства. Не успел я выйти из долга, как опять был принужден задожать. Наднях отправляюсь в Нижегородскую деревню, дабы вступить во владение оной». (Письмо от 24-го августа 1830 г.)

Отец выделил ему. Кистенево 1-го или 2-го сентября Пушкин поехал на Арзамас через Богородск, Владимир, Судогду, Муром и Севаслейку. Пушкин приехал в Болдино; 7-го он был уже в своем имении, 16-го сентября был введен во владение и прожил до 2-го декабря, почти три месяца: Знаменитая осень в Болдине 1830 года...

Пушкин приехал в незадачливое время. В Нижегородскую губернию была заброшена холера. Пушкин знал об этом. «Я поехал с равнодушием, коим был обязан пребыванию моему между азиатами. Они не боятся чумы, полагаясь на судьбу и на известные предосторожности, а в моем

¹⁾ Его письмо к Н. Н. Гончаровой от конца августа 1830 г. «Пушкин. Письма.» Т. II. Под редак. Б. Модзалевского. Стр. 103—104. А также письмо к П. А. Плетневу. Там же, стр. 104.

воображении холера относилась к чуме, как элегия к дифирамбу. «Заметки о холере».

Снова, после многих лет отсутствия, Болдино получило «барина», решившегося посмотреть на родное поместье и пожить в нем.

Пушкин в первые дни по приезде наслаждался жизнью в Болдине: «что за прелесть здешняя деревня. Вообрази: степь да степь, соседей ни души, ездят верхом, сколько душе угодно, пиши дома, сколько вздумается; никто не помешает. Уж я тебе приготовлю всячины — и прозы и стихов» — пишет он Плетневу 9-го сентября. Правда, Пушкин 30-го сентября в письме к невесте говорит уже про «прелестную страну грязи, чумы и пожаров». Он всячески старается выбраться из Болдина, но поставленные карантинные меры не дают ему возможности уехать: он нервничает, волнуется. «Болдино имеет вид острова, окруженного скалами, ни соседа, ни к ним. Погода ужасная. Я провожу мое время в том, что мараю бумагу и злюсь». (11 октября.) А все же это нервное настроение не мешало (а, может быть, даже и способствовало) напряженной работе пушкинского творчества. Он и сам признавался в этом письме к Дельвигу: «доношу тебе, что нынешняя осень была детородна, и что если твой смиренный Вассал не околеет от сарацинского падежа, холерою именуемого и занесенного к нам крестовыми братьями, т.-е. бурлаками, то в замке твоём, «Литературной газете», песни трубадуров не умолкнут целый год». И уже выбравшись из Болдина, Пушкин в письме Плетневу (от 9-го декабря) пишет: «скажу тебе (за тайну), что я в Болдине писал, как давно уже не писал»,

и—скажем от себя—никогда во всю свою остальную жизнь, в последние шесть лет своей жизни Пушкин не обнаруживал никогда такого глубоко разнообразного творчества. Болдино в силу целого ряда причин социального порядка и экономического характера вызывало эту напряженность ¹⁾. И здесь Пушкин чувствовал себя, так сказать, классово-осознанным: вся стоявшая перед его глазами действительность русской крепостной деревни, под гнетом самодержавия жившей, настраивала его в строго определенном социологическом направлении. Отсюда и «Шалость», и «История села Горюхина», и все созданное в Болдине.

Через сто лет трудно восстановить, как жил Пушкин, хотя в письме к Плетневу он пишет: «месяц я здесь прожил, не видя ни души, не читая журналов» (письмо от 29 сентября). До известной степени только можно представить эту жизнь заброшенного в глушь поэта в условиях крепостного хозяйства. В своей последней книжке «Пушкин и мужики» Щеголев много говорит о крепостном романе Пушкина с девушкой Калашниковой, переселенной им в Болдино, где отец ее был управляющим. Щеголев задается вопросом, была

¹⁾ Можно вспомнить по этому поводу стихи поэта, написанные опять в Болдине, в 1833 году.

«Когда б оставили меня
На воле, как бы резво я
Пустился в темный лес.
Я пел бы в пламенном бреду,
Я забывался бы в чаду
Нестройных, чудных грез.

ли она в Болдине во время пребывания там Пушкина. Нельзя дать ответа на это, но зато есть другое указание. Можно предполагать, что у Пушкина был новый роман, специально Болдинский. О нем известно из сообщения А. П. Мельникова, видевшего лично passion Пушкина уже на склоне ее лет. Это была Феврония Ивановна Вилянова, дочь зажиточного болдинского крестьянина. Но ¹⁾ никаких подробностей об этом романе мы не знаем, и вероятно, не узнаем: время стерло все. Конечно, наивно было бы на основе личных переживаний определенно эротического порядка объяснять пушкинские произведения, написанные в Болдине; можно только с крайней осторожностью делать предположения при разборе некоторых произведений Пушкина этого периода (напр. «Каменный гость», отчасти «Станционный смотритель»).

Холерная эпидемия сильно осложнила жизнь Пушкина осенью 1830 года. Несколько раз он порывался выбраться, но его задерживали карантинны, но помимо этого, как дворянин—тогда дворян мобилизовали в принудительном порядке на борьбу с холерой—Пушкин был назначен окружным инспектором. «Мне стоило большого труда отказаться от инспектуры»—пишет он сам невесте (2 декабря). По другим сведениям, Пушкин получил строгое предписание от министра, графа Закревского, и принял должность²⁾.

Как жил Пушкин в Болдине. Мало данных для ясного представления об этом. Один из совре-

¹⁾ Роман с Виляновой — мало освещенный эпизод из жизни Пушкина в Болдине.

²⁾ Вересаев. «Пушкин в жизни». В. III. Стр. 36.

менников поэта, крестьянин Михай Иванович Сивохин, говорил, что поэт каждый день ездил верхом в соседние Казаринские кусты и Кистеневскую рощу и записывал, какие местам названия, какие леса, какие травы растут ¹⁾). Немного было и знакомых из окрестных помещиков; бывал Пушкин у соседей в с. Апраксине, где жили Новосильцевы, в с. Черновском, где жила Топорнина ²⁾). В виде курьеза можно сообщить, что Пушкин произносил и проповедь в церкви о холере, как он сам пишет в письме к Плетневу. (От 29 сентября)

Во всяком случае немного известно внешних подробностей о жизни Пушкина в Болдине. Да и едва ли это интересно, когда есть ценнейший материал — его произведения, написанные в Болдине. Больше интереса в том, чтобы представить, чем было Болдино, как крепостная деревня того времени, но об этом несколько ниже.

Прошло три года. 1 октября 1833 года Пушкин, возвращаясь из Оренбурга, снова заехал в Болдино и, пробыв до 15 ноября, написал: «Медного Всадника», «Родословную моего героя», «Сказку о рыбаке и рыбке», «Анджело», «Воеводу», «Будрыс и его сыновья», «Сказку о мертвой царевне и о семи богатырях», несколько лирических стихотворений («Не дай мне бог сойти с ума», «Родриг»). Меньший, чем в осень 1830 года, под'ем творчества, но все же вещи, глубокие по содержанию.

Повидимому, Пушкин ждал повторения напряженного творчества, как и три года тому назад.

¹⁾ А. И. Звездин. «О Болдинском имении» Стр. 14.

²⁾ Вересаев. «Пушкин в жизни». В. III. Стр. 35.

«Я буду работать и спешить», пишет он. Но не так скоро расписался он в этот второй период: «вот уже неделя, как я в Болдине, привожу в порядок мои записи о Пугачеве, а стихи пока еще спят». (Письмо жене от 8 октября.) Через два дня пишет: «я пишу, я в хлопотах, ничего не вижу, — и привезу тебе пропасть всякой всячины». (Письмо от 11 октября.) Но уже он и сам чувствовал на этот раз упадок творчества. «О себе пишу тебе, что я работаю лениво» — пишет он 21 октября — «через пень колоду валю. Все эти дни голова болела, хандра грызла меня. Ныне легче. Начал много, но ни к чему нет охоты; бог знает, что со мною делается. Старам стала и умом плохам».

Но письмо от 30-го октября проникнуто уже другим настроением: «просыпаюсь в 7 часов, пью кофей и лежу до 3-х часов. Недавно расписался и уже написал пропасть». В то же время, в другом письме (к Одоевскому) он с грустью пишет: «приехал в деревню, думал распишусь, не тут-то было. Головная боль, хозяйственные хлопоты, лень барская, помещичья лень, так одолела меня, что не приведи боже. Не дожидайтесь Белкина: не на шутку, видно, он покойник».

В середине ноября Пушкин уехал из Болдина, но оно продолжало занимать его. Еще в мае этого же 1830 г. Пушкин писал жене: «плюнуть на Петербург, да подать в отставку, да удрать в Болдино, да жить барином». Немного позже (8 июня) он снова возвращается к этой же мысли: «Ты говоришь о Болдине. Хорошо бы туда засесть, да мудрено. Об этом еще успеем поговорить».

В последний раз Пушкин приехал 13 сентября 1834 года утром и пробыл до 13—15 октября. Он успел написать только одну «Сказку о золотом петушке». «Написать что либо мне бы очень хотелось» — пишет он жене 15 сентября. Но у него было много хозяйственных хлопот, это был уже Пушкин, измученный Петербургской жизнью, на сцене появился Дантес, с которым Пушкин познакомился в начале августа. «Много вещей, о которых беспокоюсь. Видно, и эту осень долго мне в Болдине не прожить. Дела мои я кой-как уладил. Погожу немного, не распишусь ли; коли нет, так и с богом в путь». (Письмо жене от 25 сентября.) «Расписаться» не удалось, и Пушкин уехал.

Больше Пушкин в Болдино не возвращался. Только в письме к своему доверенному — управляющему Н. М. Пеньковскому — Пушкин 1-го мая 1835 года писал: «в июне думаю быть у Вас». Но так и не собрался, хотя в письмах нередко встречаются упоминания о Болдине в связи с соображениями чисто хозяйственного порядка, сильно волновавшими в последние годы жизни поэта. Можно думать, что знаменитое стихотворение «Пора, мой друг, пора», обращенное к жене, имеет в виду Болдино, когда Пушкин пишет:

«Давно завидная мечтается мне доля,
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег».

«Обитель дальняя», возможно, и есть Болдино.

В четыре свои приезда Пушкин близко познакомился с Болдином, — отразилось ли Болдино, его внешний вид в поэзии Пушкина. Михайловскому

посвящено целое стихотворение «Вновь я посетил», а Болдину?

Следы Болдина, его пейзажи можно найти в творчестве Пушкина. С некоторою вероятностью можно предположить, что в «Странствиях Онегина», — а они были написаны в Болдине, — болдинским пейзажем навеяны стихи:

Люблю песчаный косогор,
Перед избушкой две рябины,
Калитку, сломанный забор,
На небе серенькие тучи,
Перед гумном соломы кучи,
Да пруд под сенью ив густых —
Раздолье уток молодых.

При всей обыденности этого пейзажа, и «песчаный косогор», и «пруд под сенью ив густых» были налицо в Болдине.

В черновых набросках у Пушкина есть неоконченное стихотворение «На кладбище». Здесь уже с большею вероятностью можно предположить, что это и есть именно болдинское кладбище.

Обнажено

Святой смерти пепелище,
И степью лишь окружено,
И мимо вечного ночлега
Дорога сельская лежит,
Немые камни и могилы,
И деревянные кресты
Однообразны и унылы.
Равнина справа,
Ручей не льется слева,
Ни речки, ни холма, ни древа,
(Ни хоть березы)

Приблизительно такое же описание совершенно лишенного растительности кладбища находится и в «Станционном Смотрителе». И стихотворение и повесть написаны в Болдине, и в наши дни такой же вид кладбища и в Малом и в Большом Болдине: они производят унылое впечатление. «Скупой ландшафт», как говорит Пушкин в набросках «Осень», тоже болдинского стихотворения.

Определенно уже к Болдину относится знаменитая «Шалость».

Смотри, какой здесь вид: избушек ряд убогий,
За ними чернозем, равнины скат отлогий.

Не будем говорить про «Историю села Горюхина»: там можно найти и черты внутреннего быта, целиком списанного с Болдина, и внешний вид, приближающийся к Болдину. Не даром же есть смутное сознание потомков, что Пушкин писал «Горюхино», наблюдая Болдино из липовой аллеи своего сада-парка. Так до известной степени в творчестве Пушкина отразилось Болдино.

Уголок Болдинского парка

IV

Что же представляло собою Болдино в эпоху Пушкина? Как шла его внутренняя жизнь, когда владельцем его был великий поэт?

Есть «Опись имения Болдино»¹⁾, составленная управляющим И. М. Пеньковским на предмет раздела между наследниками С. Л. Пушкина, следовательно вскоре после смерти Пушкина.

«Вместе с деревнею Львово, выделенною из Болдина, числилось 140 тягол с 564 душами

¹⁾ Документ приведен в книге П. Щеголева «Пушкин мужики».

мужского, 602 женского пола. Господского поля под зимнюю запашку отведено было 240 десятин; под озимь у крестьян 345 десятин; второе поле яровое господской запашки — 240 д., крестьянской — 345 десятин, третье поле — пар 240 д. и у крестьян — 345 десятин — всего 1755 десятин», значится в «Описи».

Что же? Во всяком случае это не маленькое поместье. Пеньковский идет далее и пытается оценить вообще стоимость Болдина: Болдино — в течение десяти лет — давало в среднем 28700 руб. ассигнациями дохода, ставя общую стоимость имения в 450000 руб. ассигнациями или одна ревизская душа обходится в 611 р. 11 коп. Кроме того, оброчные крестьяне давали ежегодно 10710 руб. доходу, так что к ценности имения вообще прибавляется еще 153000 руб. и к стоимости ревизской души нужно прибавить еще 292 руб. 54¹/₂ коп. Это только та часть Болдина, которая находилась во владении поэта. Всего же в Болдине вместе с Львовой во владении Сергея Львовича находилось 3244¹/₂ десятины. Рукою Пушкина написанные имеются «Цеты на части управления Болдина и Кистенева за 1834 год»¹).

Пушкин записывает доходы, им полученные с имения: в июне 400 руб. в июле — 8 из Болдина — 400 р., 6-го оброку — 30 руб.; октября 4-го оброку — 200 р., в ноябре — 20 руб. 2-го июля 74 души были заложены за 3.600 рублей.

Не менее любопытен документ «Ведомость о состоянии хлебов, доходов и приходов по Болдину

¹) Приведено там же.

1833—1834 г. (за 1833 год и на 1 мая 1834 год), составленная управляющим, тем же И. М. Пеньковским¹⁾). Ведомость дает ясное представление о хозяйстве Болдина как по сбору продуктов, так и по расходам, производимым в Болдине. Пеньковский принял от Калашникова — 512 четвертей ржи, в Болдино было 1397 четвертей овса, 23 четверти ячменя, 11 четвертей гречи, 123 четверти конопляного семени. Получено денег от разных приходных статей 16.619 руб. 89 коп., при чем в эту сумму входит 9016 руб., вырученных за продажу ржи, и 5111 руб. за продажу овса.

Таковы доходы, но расход все равно превышал доход: Болдино не давало возможности обходиться своими семенами, и потому в «Ведомости» значится: «для семян куплено овса на 3.179 руб. 96 коп., Затем уплачено в Опекунский Совет — 6773 руб., послано Сергею Львовичу — 4592 руб. и в итоге на 1 мая 1834 года числится долгу 2258 руб.».

Такова была экономика Болдина в эпоху Пушкина.

Казалось бы, при таком количестве десятин, с такими сборами можно было бы жить. Но Болдино, как указано было выше, давно было заложено, еще до 1830 года и потому по существу доходы его были мифические. В письме к Павлищеву, мужу своей сестры, в 1834 году Пушкин отчетливо выясняет степень экономического благосостояния Болдина: «Согласясь взять на себя управление батюшкинова имения, я потребовал

¹⁾ Приведено в книге П. Щеголева.

ясного расчета казенным и частным доходам. Батюшка отвечал мне, что долгу на его имени тысяч сто, что процентов в год должно уплачивать тысяч семь, что недоимки тысячи три, а доходов тысяч двадцать две. Я просил все это определить с большею точностью и батюшка не успел того сделать сам; я обратился в ломбард и узнал наверное, что долгу казенного 190.750 р., что процентов ежегодно 11.826, что недоимок 11045 руб. (частных долгов в наличии около 10.000 р.). Сколько дохода, наверное знать не могу, но полагаюсь на слова батюшкины, и ставя 22.000 выйдет, что за уплатою казне процентов остается до 10.000 рублей».

При таком положении не удивительна одна сценка, описанная Пушкиным в письме к Нащокину: «на-днях отец мой посылает за мною. Прихожу — нахожу их в слезах, мать в постели, весь дом в ужасном беспокойстве. Что такое? — Имение описывают. — Надо скорее платить долг. — Уж долг заплачен. Вот и письмо управителя. — В чем же горе? — Жить нечем до октября. — Поезжайте в деревню. — Не с чем». (Написано в марте или апреле.)

«Именно расстроено» — признался сам Пушкин. Эта история Болдина не представляет ничего чрезвычайного: обычная картина обычного разорения дворянства, и не умевшего, и не хотевшего хозяйничать. Болдино должно было кормить тунядцев стариков Пушкина, мота и кутилу Льва Сергеевича, брата поэта, сестру его с мужем: меньше всего пользовался доходами с Болдина сам поэт, он даже в 1835 году отказался от своих доходов в пользу сестры: в 1834 году поэту пришлось

взять на себя управление Болдиным, вопреки желанию жены. С этим делом он запутался и измучился; потому-то так не продуктивна была литературная работа Пушкина в его последний приезд в Болдино. «Меня здесь удерживает — пишет он жене — одно: типография. Виноват, еще другое: залог имения. Но можно ли его заложить. Как ты права была в том, что не должно было мне принимать на себя эти хлопоты, за которые мне никто спасибо не скажет и которые мне столько крови испортили, что все пиявки дома нашего не высосут», пишет он еще в Петербурге. (Письмо от 27 июня.)

Приглашенный было Пушкиным управляющий Рейхман определенно заявил, что крестьяне находятся в такой нищете, а дела идут так худо, что он не мог взять на себя управление Болдиным.

Долгое время с 1825 года Болдиным управлял известный Михаил Иванович Калашников, не раз уже упоминавшийся, а теперь после исследования П. Щеголева о крепостном романе Пушкина хорошо уже известный. Это был тип обычного «бурмистра» крепостных времен, хорошо обрисованного потом Тургеневым. Несомненно, он грабил крестьян, несомненно последние от него сильно терпели и несомненно его управление систематически разоряло Болдино.

Упомянутый уже Рейхман был летом 1834 года в Болдине для ознакомления с хозяйством его и после этого написал Пушкину: «вы мне рекомендовали Михаила Иванова, но я в нем ничего не нашел благонадежного, через него крестьяне ваши совсем разорились, в бытность же прошлого

года в вотчинах крестьяне ваши хотели на него жаловаться и были уже на дороге, но он их встретил и не допустил до вас». Пушкин сам говорил, что он «не может иметь доверия к Михайле, поскольку он его знает». (Письмо Осиповой от 29-го июня 1830 года.) В разорении Болдина Калашников участвовал активным образом и, возможно, в силу интимных сношений с его дочерью, поэт щадил его: по крайней мере, до самой смерти поэта Калашников управлял Кистеневым, до того в Болдине был уже с 1833 года другой управляющий — Пеньковский, но Кистеневских крестьян Калашников довел до полной нищеты: в сороковых годах приятель Ланского, второго мужа Наталии Николаевны, Бобоедов, их сосед, освидетельствовав положение Кистенева, писал, что в Кистеневе он «нашел крестьян, можно сказать, в бедственном состоянии, такой нищеты я мало видел. Есть крестьяне, у которых не только нет лошади и коровы, даже нет курицы и избы, где бы он мог преклонить голову» «они сделались просто бродяги и пьяницы»¹⁾. Родственники Пушкина питали к Калашникову настоящую ненависть, конечно, не из-за разорения им крестьян, а потому, что он обирал их. Но поэт терпел своего грабителя-управляющего²⁾.

В 1833 году пушкинскими имениями управлял уже Пеньковский. Это был, повидимому, честный человек, всеми силами старавшийся выпутываться

¹⁾ П. Щеголев (стр. 88).

²⁾ Калашников пережил поэта: в 1840 г. он поставил памятник Пушкину в Михайловском, когда никто из родных поэта не поехал на это событие.

из довольно запутанного положения, но все же в конце-концов в силу общих условий крепостного хозяйства не могший справиться с делами. 16 лет он управлял Пушкинскими имениями, но разорение шло своим чередом. Все равно крепостное хозяйство разваливалось, и никакие Пеньковские не могли задержать распада его. Да и сами Пушкины, особенно наследники поэта — его брат Лев Сергеевич и его вдова, потом жена Ланского — думали только об увеличении средств для себя, и меньше всего о крестьянах. За десять лет до 19 февраля Лев Сергеевич мечтало переселении Кистеневских крестьян в Михайловское.

Итак, Болдино в эпоху Пушкина было обыкновенным заурядным крепостным поместьем: рабская жизнь крестьян, жизнь под властью грабителя-управляющего, с барином, который не мог помочь им; жизнь разоряемого и разоряющегося имения.

В письмах Пушкина, написанных в Болдине, нет подробностей из бытовой жизни его крепостного селения; они характеризуют его только как хозяина, озабоченного желанием поправить хозяйство, но не говорят о внутренней жизни в недрах Болдина, о том, как Болдинский крестьянин жил в то время, когда в подеме творческого сознания поэт-барин писал свои незабываемые произведения. В барском доме создавались дивные образы, а там за окном его шла будничная жизнь крепостного села.

«История села Горюхина» до некоторой степени проливает свет на эту сторону, рисуя подробности быта горюхинцев и показывая отчетливо их постепенное разорение и закабаление, но

«История» все же художественное произведение, в обобщенно-сгущенных образах дающее картины жизни, по «Истории» можно воссоздать только схемы жизни.

Сохранились «Памятная книга села Болдина 1833 года»¹⁾. Она начинается с 1 ноября 1833 г. Пушкин сам живет в это время в Болдине: 2-го ноября он написал предисловие к «Истории Пугачевского бунта», 4-го ноября «Сказку о мертвой царевне и семи богатырях», а несколько ранее — 31-го октября он закончил «Медного Всадника». А Болдино? Там своя жизнь: под 8-е ноября записаны: «жених Федор Савич Кособрюхов, невеста Прасковья Матвеева Петраева», оба они только с разрешения барина могли повенчаться. 5-го ноября «наголо из печки рижной стена выгорела и уже огонь снаружи стены усилился, Рижник усмотрел, за это награды дано мною 2 рубля монетою.»

8-го же ноября «Кистеневский крестьянин Василий Игнатов просил на Кистеневского Земского Гаврилу—Алексееву, что насильно перевязал овцы и прибил женщин, одной женщине разорвал рот (за долг), решено: Земского Гаврилы Алексева лишен иску (определенно внести в мирскую сумму) от Василия Игнатьева, брата Земского Н. Алексева за побои жены Василия Игнатьева наказано розгами 20 ударами». 10-го декабря — Яков Семенов бегал от солдатчины, месяц скрывался, решено наказать 25 ударами розгами. 10-го декабря «Тимофей Пядашев выдавал пуговицы вместо четвертака женщине той половины №№ за

¹⁾ Напечатана в книге П. Щеголева.

муку, был в кабаке с Язовскими ворами, — ослушался в моем приказании, не явился в Судную из кабака», решено наказать 40 ударами.

Этот же Пядашев замечен и в другом поступке: «Крал рожь и привозил в свой дом тоже рижник Кирей, за шубу давал барский овес 4 четверика ему же, Пядашеву». 10-го декабря помечено: «Алексей Семенов Сягин прятался от солдатчины». «Наказать за бегание 26 ударам розгами».

А вот еще штрих из жизни Болдина:

11-го ноября назначены в солдаты из села Болдина:

Вор 1-й Яков Семенов Козлов — чист за разбой не ставлен Михаила Ивановым.

Вор 2-й Яфим Захаров Яр — течет с ушей (с затылком).

Вор 3-й Тимофей Михайлов Пядашев — рана в ногу (вор не ставлен).

Карманный 4-й Кирилла Никифоров Кандалов — чист желтью болен (затылок).

5. Спиридон Ананьев — палец на левой руке крюком.

6. Яков Ананьев — Кузьковы (с затылком.)

7. Алексей Семенов Сягин — чист сбежал.

Так в этих записях вскрывается подлинное лицо болдинской жизни. И Сягин, убежавший от солдатчины, найденный 10-го декабря и наказанный 26 ударами, и Тимофей Пядашев, повидимому, ловкий и изворотливый мужичек, подсунувший бабе пуговицы вместо денег.

И на ряду с этими серьезными событиями запись: «корова отелилась декабря 20-го числа вечером — родился бычек».

Все эти «маленькие» трагедии болдинской жизни шли своим чередом, были законным явлением тогдашней жизни, и Пушкин жил среди них, и замечая, и не замечая их: замечая—потому, что он знал о них; не замечая—потому, что творческая работа уводила его бесконечно далеко от «мелких» тревог бытия... В барском доме ¹⁾ шла своя работа, но получался разрыв между барским домом и крепостною деревнею: в первом — образчики высочайшей культуры, во втором—звериный, темный быт темной деревни.

Так нас природа сотворила,
К противоречию склонили,—

как-то раз выразился Пушкин, но здесь эти противоречия неизбежный результат тогдашних социальных условий, «прошедшего жития подлейшие черты».

Не изменилось положение пушкинских имений, когда Болдино попало в руки Льва Сергеевича,

¹⁾ Сохранилось любопытное описание дома, где жил Пушкин.

В Болдине господский дом деревянный с мезонином соснового и дубового лесу длиною—саж., шириною—сажень на каменном фундаменте, с каменным подвалом, тесом крыт, в нем 9 горниц, в мезонине 2 горницы, внутри святая икона бож., 6 кресел, 24 стула, 2 ломберных стола, 2 стола столовых, 4 софы, 1 шкаф старинный внизу с выдвигающимися ящиками, сверху полка, раствор стеклянный.

1 шкаф в кладовой с ящиками, 1 комод с 3 выдвигающимися ящиками, 2 зеркала в 3 четверти аршина — ценность дома с вещами к нему—5.000 руб. «Опись имения Болдино».

Обстановка средне-поместного помещика, особенно если перечисляемые предметы домашнего обихода сопоставить с экспонатами крепостного быта, выставленными в нашем историческом музее.

брата поэта, который приезжал к себе в имение. Пушкин поэт хоть заботился о других, а этот откровенный тунеядец и мот, насквозь пропитанный барским чванством, жестокий и грубый рабовладелец, постепенно вел Болдино к еще большему разорению.

Такова краткая история Болдина, связанного с именем великого поэта. При всех социальных противоречиях, ярко бросающихся в глаза в этой истории при сопоставлении Болдина с именем поэта, оно сохраняет свой исторический интерес, ему только присущий. И в силу этого Болдино, обычное, крепостное село заслуживает внимания. И Пушкин—дитя своей эпохи, сын своего класса: другим он не мог быть. Барин-помещик, Пушкин, как таковой, считал нормальным явлением и уклад крепостной деревни и жизнь своего Болдина в тех формах, в каких оно жило. И потому-то господский дом бесконечно был далек от крепостного села, среди которого он стоял. Для Пушкина-поэта было любопытно то, что иногда, в таких вещах, как «Шалость» и «История села Горюхина», Пушкин все же поднимался до возможности оценки окружающей его жизни и тем самым у своего читателя создавал определенное настроение, далеко не в пользу считавшегося законным социальным строем. Для той эпохи и это было заслугой очень крупной.

Амбулатория в селе Болдино.

V

Прошло почти сто лет после первого приезда поэта. Болдино пережило долгую историческую жизнь. Оно простилось с властью своих помещиков, пережило эпоху семидесятых годов, прошло через развитие эпохи промышленного капитала, дожило до октябрьской революции, прожило после нее одиннадцать лет. Что в нем теперь? Какая осталась память в нем о Пушкине?

Лукояновский тракт, далеко до Ардатова тянущийся, та «скучная дорога», по которой не

раз под звон «колокольчика однозвучного» ездил Пушкин и метался во время «индейской заразы» осенью 30-го года. Верст за двенадцать виднеется, неизменная в каждом селе, белая церковь, то появляясь, то скрываясь среди сильно пересеченной местности. Вот за пять-шесть верст от большого Болдина — Малое Болдино. Удивительно серое, седое по внешнему виду село: серо-серые избы, серо-серые ветлы. Вместо реки пруд.

Болдино все ближе и ближе... Видно, как широко оно раскинулось по пригоркам и скатам. Огромное — до 500 домов — село. Несколько прудов. По сторонам крытые соломой избы. Конечно, нет уже ни одной избы времен Пушкина, но общий план и общее расположение то же, что и при Пушкине. И также, как сто лет тому назад, избы крыты соломой, с одним исключением: теперь уже ни одной курной избы — тогда это было обычно.

На горе обширная, покрытая великолепным зеленым ковром, площадь, откуда на юг «пологий скат», вероятно, сто лет тому назад описанный Пушкиным:

Смотри, какой здесь вид: избышек ряд убогий,
За ними чернозем, равнины скат пологий.

По скату расположился так называемый «Пога-ный Конец», когда-то самая бедная часть Болдина. Вдали за скатом та часть Болдина, которая принадлежала Василию Львовичу Пушкину, дяде поэта.

Посреди площади церковь. Несколько поодаль напротив ее, изба — читальня, о возможности

которой, конечно, Пушкин не мечтал. На другой стороне — школа первой ступени, почти на середине площади, тоже сто лет тому назад невозможная в жизни крепостной деревни. Конечно, сто лет прошли не даром: помимо избы читальни, школы, в Болдине еще и два колхоза.

К площади примыкает, захватывая улицу и опускаясь по скату, парк. Это уже «пушкинские места». Часть парка ближе к площади новая: во время Пушкина ее не было, но все остальное — пушкинских времен. Огромный, в восемь десятин, прекрасный парк, теперь с фруктовым садом, с огородом, настоящий парк времен крепостного хозяйства. Когда-то в нем были оранжереи, теплицы, теперь исчезнувшие.....

Украшение парка его пруды, чудесные пруды, разбросанные в одну линию. Сейчас запущенные, с затягивающимися травой берегами, постепенно уменьшающиеся, но и теперь, несмотря на запущенность, них водится рыба. Пруды легко соединить, и тогда это был бы редкий парк. Так отдаленно, в миниатюре, парк напоминает, столь любимый, опоэтизированный Пушкиным бывший Царско-сельский парк, «прекрасный царскосельский сад».

В начале парка, при входе, бывший барский дом, хорошо сохранившийся, с типичными колоннами. В нем помещается одна группа второй ступени, содержащая, — и это нужно отметить — на средства крестьян. Посмотрели бы деды — «горюхинцы» на своих внуков, которые их правнуков учат на собственные средства!

Перед домом и сейчас еще стоит пихта, современница Пушкина. Дальше в глубине парка есть

еще ветхая ветла, тоже сохранившаяся от времен поэта. Вдоль прудов тянется аллея из акаций, густая, темная¹⁾).

На краю парка великолепная, теперь запущенная, липовая аллея, целиком выхваченная из «дворянского гнезда». Она была и при Пушкине, только деревья уже новые, «племя младое», незнакомое, как знаменитые три сосны Михайловского. При Пушкине ивовый плетень, теперь деревянная изгородь отделяет ее от деревни.

В глубине же парка, недалеко от прудов показывают дерновую скамью, сидя на которой Пушкин — по преданию — писал свои сочинения. Недалеке от этой скамьи опять великолепная березовая аллея, но уже новой части парка.

Самый дом, где жил Пушкин, не сохранился: он был сначала, говорят, перенесен во Львовку — (деревня в шести верстах от Болдина) — где жил сын поэта. Потом он снова был переброшен в Болдино и теперь из него выстроена амбулатория.

Возможно, дом где жил Пушкин, стоял недалеко от теперешнего «барского» дома и из окон его Пушкин мог наблюдать ту картину, которую он так ясно изобразил в стихотворении «Шалость». Картина безотрадная, живой образ крепостной деревни.

Вообще Болдино, за исключением указанного, не хранит никаких материальных памятников о Пушкине. «Мы ленивы и не любопытны»...

¹⁾ «Грунтовый сарай в земле на берегу пруда, длины 12 саж.; над ним ставня из тонкого тесу, ценность 85 руб.».

Наследники поэта также, по живым следам, ничего не сохранили после его смерти.

Курьезно то, что и школа в Болдине не носит имени Пушкина. Это уж «досадная опечатка» со стороны Лукояновского Уоно, а может быть, и со стороны Нижегородского Губоно.

Самый парк находится в ведении Вик'а, и последний сдает его в аренду за 500 рублей крестьянам; хозяйство в фруктовом саду ведется примитивным способом. Школа, казалось бы, прежде всего должна была бы претендовать на весь парк, как на свой пришкольный участок, но ей отвели небольшую часть. А между тем отдать бы весь парк школе, и она там могла бы рационально поставить садоводство, огородничество и даже рыбководство, ибо болдинские пруды допускают развить последнее в широких размерах.

Самый парк в своем настоящем виде все же редкое явление: во всей Нижегородской губернии не много таких парков. Приведенный в порядок он мог бы служить украшением края. А лучше всего его об'явить заповедником на подобие Михайловского. Он вполне заслуживает этого.

Нет непосредственной памяти о Пушкине и среди болдинских крестьян. Последний современник Пушкина, крестьянин Сивохин, умер десять лет тому назад ветхим стариком. Крестьяне не хранят никаких воспоминаний о Пушкине; они смешивают поэта с его наследниками. Это неудивительно: Пушкин постоянно в Болдине не жил, он бывал там наездами, а последующие «господа» без выезда проживали в Болдине. Все ссылаются на упомянутого Сивохина: повидимому, он был живым

хранителем памяти о Пушкине, и с его смертью живая связь прервалась.

Но в то же время интересный факт: в Болдине живет один страстный поклонник поэта, у него имеется полное собрание сочинений Пушкина, и он наизусть цитирует выдержки из стихотворений поэта.

Остальные хранят только легендарное сказание-мнение о том, что Пушкин любил в лесу слушать пение птиц и шелест листьев.

Но и то сказать—никто не культивировал среди местного населения любви к поэту, никто не говорил о значении Болдинского периода в его творчестве, и в этом прежде всего повинна школа: к предстоящему юбилею она должна искупить свою вину.

Итак, какие же выводы... Они ясны: и в настоящем своем виде парк, как живой памятник пушкинского времени, имеет все права на признание его государственным заповедником на подобие Михайловского. Болдино должно стать политико-просветительным центром для всей довольно глухой местности. В нем должна быть развернута школа-девятилетка или школа крестьянской молодежи, конечно, имени Пушкина. В нем же должна быть и библиотека, районный музей—все имени Пушкина. При наличии двух колхозов парк может создать образцовое огородничество, садоводство и рыболовство. Это будет достойным памятником Пушкину, и это же в высшей степени целесообразно для социалистического строительства в эпоху культурной революции.

ДНЕВНИК ТВОРЧЕСТВА ПУШКИНА В БОЛДИНЕ

1829 год.		
Октябрь 29.		Обвал.
Ноябрь 2.		Олегов щит. Зима, что делать нам в деревне.
» 3.		Зимнее утро ¹⁾ .
1830 г.		
7-го сентября.		Б е с ы.
— »		Паж или пятнадцатый год.
8 »		Безумных лет угасшее веселье.
9 »		Гробовщик.
14 »		Станционный смотритель.
18 »		Восьмая глава «Онегина» (Странствия Онегина).
20 (5 ч. вечера).		Барышня-крестьянка.
25 сентября.		Окончена девятая глава «Онегина» (ныне восьмая).
26 »		Хронология «Онегина».
1 октября.		Шалость.

¹⁾ Первое, третье и четвертое стихотворения можно отнести к Болдину предположительно, если следовать Ефремову («Пушкин», под редакцией Ефремова, VIII, 305).

Второе и первое — по мнению В. Брюсова.

Седьмая глава «Онегина» (частью).

2 октября		Некоторые писатели ввели обыкновение.
5	»	Расставание.
»	»	«Домик в Коломне» (помета после XII строфы).
7	»	«Октябрь уже наступил» («Осень»). Русалка (начата).
10	»	Окончен «Домик в Коломне».
»	»	Из записок к приятелю (Куда же ты).
»	»	О т р о к.
12	»	Выстрел (помета после первой главы).
14	»	Окончание Выстрела.
16	»	Моя родословная.
17	»	Стамбул гяуры ныне славят.
»	»	Заклинание.
19	»	Записки в черновых бумагах Пушкина. Сожж. X песнь ¹⁾ .
20	»	Окончена «Метель».
23	»	«Скупой Рыцарь» (окончен).
26	»	Моцарт и Сальери (окончен).
31	»	«История села Горюхина» (помета среди черновика). Мне не спится Нет огня.. (Стихи во время бессонницы). Был на свете рыцарь бедный. Герой.
1 ноября.		История села Горюхина (помета в конце)
4	»	Каменный гость (окончен). Я здесь, Инезелия, Серенада. Романс «Перед испанкой благородной».
8	»	На перевод Иллиады.
16	»	Предисловие «От издателя» к «Повестям Белкина».
21	»	«У нас довольно трудно» (Предисловие к Онегину).
27	»	Для берегов отчизны дальней.

¹⁾ Н. Лернер высказывает предположение: «Не описка ли у поэта. Не назвал ли он «X песнь» утерянную восьмую главу «Онегина».

Н. Лернер «Труды и дни Пушкина», стр. 223.

Без определенной даты.

Как весеннюю теплую порою. (Начало сказки).

Пир во время чумы.

Пью за здравие Мэри.

Царскосельская статуя.

Рифма.

Труд.

Критические и политические заметки.

Замечания о своих поэмах.

О Дельвиге и Киреевском.

Грамматические замечания.

Мелкие заметки.

Родословная Пушкиных и Ганнибалов

О приличии в литературе.

О драме.

Детские сказочки: 1. Маленький лжец.

2. Исправленный забияка.

3. Ветреный мальчик.

Программа третьей статьи по «Истории русского народа» Полевого.
«Кладбище».

О нет, мне жизнь не надоела (предпол.)

Помета на рукописи «Моя родословная».

3 декабря.

1833 год.

3 октября.

6 »

О Дурове.

Помета на одном черновом листке «Медного Всадника» и «Родословной моего героя».

14 »

Сказка о рыбаке и рыбке.

24 »

Анджело — первая часть.

26 »

Анджело — вторая часть.

27 »

Анджело — третья часть.

28 »

Воевода.

» »

Будрыс и его сыновья.

29 »

На берегу пустынных волн.

30 »

Первая часть «Медного Всадника».

31 (5 ч. 5 м.).

Вторая часть «Медного Всадника».

Родриг.

Если ехать вам случится.

Колокольчики звенят.

Не дай мне, бог, сойти с ума.

История Пугачевского бунта (отдела-
на)

Державина я видел только однажды.

Шейлок, Анджело и Фальстаф Шек-
спира.

2 ноября.

Предисловие к «Истории Пугачевского
бунта».

4 >

Сказка о мертвой царевне и о семи
богатырях.

1834 г.

20 сентября.

Сказка о золотом петушке.

О Г Л А В Л Е Н И Е

1. Предисловие.
2. Болдино в творчестве Пушкина 5
3. История Болдина 12
4. Приезды Пушкина в Болдино 18
5. Болдино во время жизни поэта в нем 29
6. Болдино в наши дни 40

Приложение.

- Дневник творчества Пушкина в Болдине 46
- Автограф А. С. Пушкина 47

ОТЧЕТ

1. Изучение...
2. Работа в лаборатории...
3. Работа в лаборатории...
4. Работа в лаборатории...
5. Работа в лаборатории...
6. Работа в лаборатории...
7. Работа в лаборатории...
8. Работа в лаборатории...
9. Работа в лаборатории...
10. Работа в лаборатории...
11. Работа в лаборатории...

**ИЗДАНИЯ НИЖЕГОРОДСКОЙ
АРХЕОЛОГО-ЭТНОЛОГИЧЕСКОЙ
КОМИССИИ**

1. НИЖЕГОРОДСКАЯ АРХЕОЛОГО-
ЭТНОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ.
1923—1925. Нижний-Новгород, МСМ
XXVI, стр. 32.
2. ТОЖЕ, 1926 г. Нижний-Новгород МСМ
XXVII, стр. 16.
3. ПАМЯТИ А. Я. САДОВСКОГО,
1850—1926 гг. Нижний-Новгород, 1928 г.
Стр. 55, ц. 30 к.

* * *

Всего в 1891 году
всего в 1891 году
всего в 1891 году
всего в 1891 году
всего в 1891 году
всего в 1891 году
всего в 1891 году
всего в 1891 году
всего в 1891 году
всего в 1891 году

1891